

Этическое видение Маркса: Беседа с Ванессой Уиллс

Ванесса Уиллс, Олуфемии О. Тайво*

Введение: Этический импульс марксизма

«Олуфемии О. Тайво (ОТ):» Под политическими обязательствами, с которыми ассоциируется марксизм — социализмом, коммунизмом и борьбой против капитализма, — лежит глубокий и устойчивый этический импульс. Когда вы спрашиваете людей, которые плавают в одном из этих морей, чем они занимаются и почему, они дают то, что мне — как аналитически обученному моральному философу — звучит как моральные объяснения: они думают, что с капитализмом что-то не так, что-то неуместное в том, как система обращается с людьми. Тем не менее, марксисты часто сторонились явного этического мышления о капитализме. Есть ощущение, что происходит какое-то буржуазное жеманство всякий раз, когда явная моральная мысль входит в обсуждение. Ваша книга написана частично как ответ на эту перспективу. Итак, что, по вашему мнению, марксисты и немарксисты чувствовали, что они достигают или избегают, возражая против морально-нагруженных интерпретаций марксизма, и чего бы мы достигли, оставив эту интерпретацию позади?

«Ванесса Уиллс (ВУ):» Изнутри марксистской традиции определённно есть опасение, что серьёзное отношение к этическим вопросам или выдвижение их на передний план будет частью движе-

ния в сторону от научности марксистской теории или аспектов марксизма, которые наиболее операциональны в придании ему его объяснительной силы и — для тех из нас, кто думает, что у него действительно есть немалая предсказательная сила — его предсказательной силы тоже. Маркс и Энгельс считают человеческое развитие познаваемым с использованием тех же техник, которые актуальны для других областей науки.

Опасение там, однако, заключается в том, что если человеческое существование действительно познаваемо по тем же причинам, что и объекты в природном мире — а именно, что они подчинены какому-то научному закону, который может быть установлен и затем применён для предсказаний, — это чувствуется в напряжении с идеей, что человеческие существа свободны и что человеческая жизнь подвержена моральному суждению.

Так что если кто-то чувствует себя вынужденным выбирать, то он выбирает научность, верно? Он выбирает экономическую историю, которую предлагает марксистская теория. Часть того, что я делаю в своей книге, — демонстрирую, что нам на самом деле не нужно делать этот выбор. Мы можем делать и то, и другое, и на самом деле большая часть мысли Маркса — это попытка делать нормативные утверждения, которые происходят из эмпирического и научного учёта человеческого существования.

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГГУ-МСХА

Переосмысление марксистской ортодоксии

«ОТ:» Развивая это, могли бы вы определить некоторые конкретные отличия, где ваш реконструированный проект отличается от интерпретационной конвенции, ортодоксальных способов чтения Маркса?

«ВУ:» Одно место для начала — с концепции ортодоксии как таковой. В какой степени общепринятая мудрость — «ортодоксальный марксизм» — на самом деле отражает то, что думал сам Маркс?

Например, когда мы говорим об ортодоксальной марксистской позиции по расе и классу, люди начинают перечислять всевозможные позиции, такие как понятие, что идеи — это просто эпифеномены материального базиса и что поэтому нам не нужно слишком беспокоиться о самих идеях; мы просто осуществляем доброе дело пролетарской революции, и идеи сами устроятся как необходимый побочный продукт этого. Такой способ мышления о взаимоотношениях между материей и идеями нигде не существует в работе Маркса.

«Под политическими обязательствами, с которыми ассоциируется марксизм, лежит глубокий и устойчивый этический импульс».

Когда мы думаем о том, что часто описывается как «ортодоксальная» марксистская позиция по морали, мы слышим подобные утверждения. Мы слышим, что утверждается, будто Маркс думал, что человеческая жизнь полностью подчинена строго механистическим и детерминистским законам. Или что Маркс

думал, что коммунизм неизбежен, не зависит от человеческого выбора или агентства в его осуществлении. Поскольку у нас нет места, где Маркс излагает свой полный и систематический подход к этике, моя цель — определить то, что я считаю наиболее значимыми чертами метода Маркса, и использовать их, чтобы представить концепцию морали, которая возникает в книге.

«ОТ:» Я хочу конкретно подхватить пункт, который вы подняли о взаимоотношениях между материей и идеями, что является распространённым объяснением того, что Маркс должен был думать: что идеи не имеют значения, а материя имеет значение, верно? Почему люди так думают? Поскольку философия Маркса описывается как материалистическая мысль, она часто противопоставляется идеализму, и общее мышление заключается в том, что это подразумевает некоторую заботу не только о мире, структурированном разумом и мыслями, но и о фактической физической реальности. Что люди принимают это за означающее — и в свою очередь является грубым отвержением важности интеллектуальной и ментальной жизни, — так это то, что в конце концов всё сводится к пушкам, земле и золоту.

Среди многих причин отвергнуть эту грубую точку зрения, которую вы предлагаете позже в книге, есть странная вещь, которую Маркс говорит в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». А именно, есть этот высокоуровневый материал об органах чувств — их потенциалах и их актуальности, — который мы могли бы подумать, что оставим позади во взгляде об экономиках, зерне, льне и обменных курсах, верно? Так что же это за разговоры об органах чувств и

потенциальностях? Почему философ вроде Маркса, который обычно говорит о долларах и товарах, оказывается на такой метафизической территории?

Историчность человеческих чувств

«ВУ:» Одна из тем, которая появляется на протяжении всего письма Маркса, — это историчность человеческих чувств. Он будет говорить, например, о том, как человеческое ухо становится чем-то большим, чем просто его биологическая физиология и архитектура, что способность слышать исторически производится на протяжении поколений, на протяжении исторического развития музыки, способов говорить. Чувствительность уха к нюансам звука, музыки и коммуникации всех видов дана не только его голой природной характеристикой, но и его социальной трансформацией. То же самое верно для глаз и для всех наших чувств. Более того, он также говорит о человеческом чувстве: этой деятельности восприятия других человеческих существ и понимания их как самих себя и признания того, что мы разделяем наши условия для процветания и моей способности реагировать на людей вокруг меня таким образом.

Это то, что Маркс думает, может быть произведено только видом, который взялся за работу сознательного преобразования себя, так что это одна из причин, почему Маркс является сторонником революции, когда часто легко читать Маркса и спрашивать: почему он революционер? Почему революция? Почему это так важно, этот захват власти? И даже люди могут предположить, что революция означает насилие и хаос, но для Маркса одно из главных качеств революционной деятельности — это то,

что человеческие существа берутся за проект подхода к своему собственному историческому развитию сознательным и рациональным образом. Речь идёт об организации с мыслью о том, каким может быть лучшее общество и как мы можем выразить и полностью реализовать нашу способность к социальности.

«Одно из главных качеств революционной деятельности — это то, что человеческие существа берутся за проект подхода к своему собственному историческому развитию сознательным и рациональным образом.»

Так что, хотя Маркс действительно выступает за упразднение морали, предполагать, что это означает, что нам сейчас не нужно моральное мышление или нам сейчас не нужна этическая концепция человеческих существ и человеческого развития, преждевременно. Если мы думаем о моральной теории как о способе теоретизирования разрыва, пространства между миром, как он есть, и миром, каким он должен быть, то если мы вообразим, что мир может быть сделан таким, каким он должен быть, — что мы действительно сможем произвести этот лучший мир и жить в нём, — тогда такого рода роль для морали исчезает.

Маркс о человеческой природе и революции

«ОТ:» Критика Марксом преобладающего взгляда на мораль имеет что-то общее с этим человеческим чувством, о котором вы говорите. Взгляд, против которого возражает Маркс: знаменитые экспозиторы такого рода взгляда — о связи между моралью и политикой — это Локк и Руссо. Оба этих мыслителя

озабочены характеристикой людей и человечества каким-то существенным образом и, таким образом, в свою очередь, человеческой деятельностью. Итак, что, по вашему мнению, Маркс понимает под «человеческой природой», и почему это ведёт его по пути, который вы только что объяснили, — к мышлению о революции и труде, а не по пути, который, возможно, имеет больше общего с моральной и политической философией, как, скажем, общественный договор в локковском или руссоистском смысле.

«ВУ:» На самом деле дело не в том, что существует разрыв как таковой между миром, как он есть, и миром, каким он должен быть, где мир, каким он должен быть, может быть познан только через абстрактное размышление, своего рода идеальное концептуальное размышление. Скорее — и это относится к диалектике Маркса и его историческому материализму — мир, каким он должен быть, уже существует внутри текущего. Так что мы получаем эти утверждения от Маркса, что коммунизм — не идеал, к которому реальность должна приспособиться, а скорее уже существующее движение, преодолевающее текущее состояние вещей, и поскольку это уже существующее движение, свергающее текущее состояние вещей, это то, что мы можем познать через эмпирическое изучение.

Так много того, что происходит у Маркса и Энгельса, основано на попытке понять исторически, как именно трудящиеся люди сопротивлялись капитализму, как именно трудящиеся люди сопротивляются капитализму сейчас? Это первичный объект изучения для развития взгляда на природу самого капитализма и вероятность когда-либо произвести

другое общество. Это то, что он берёт из продолжающихся борьб угнетённых, бедных и трудящихся людей, сражающихся против опустошений капитализма и ищущих своё выживание. А также находящих, на практике и в теории, что выживание массы человечества на планете требует, чтобы они сопротивлялись капитализму и производили другой вид общества, основанный на удовлетворении человеческих потребностей.

«ОТ:» Концепции революции и труда включают действительно специфический способ мышления о человеческой деятельности, самонаправленной человеческой деятельности, как мы пришли к этому, а не к общественному договору?

Человеческая деятельность как самотворение

«ВУ:» Как выражаются Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», то, как человеческие существа отличают себя от других нечеловеческих животных, — это именно в этой способности к трансформации, к рациональному, сознательному, целенаправленному преобразованию себя, так что человеческие существа являются продуктом своего собственного творения. Это материалистическое понятие человеческой истории — это просто признание того, что если вы хотите понять что-то о человеческой жизни, вы должны делать историю, вы должны понимать, как именно эта вещь стала результатом взаимодействия человеческих существ с их природным и социальным миром, и это относится не только к таким вещам, как сам капитализм, но и к вещам, которые мы могли бы считать «природными неискоренимыми и существенными», как то, что че-

ловеческие существа жадны, человеческие существа конкурентоспособны, человеческие существа расистские или сексистские. Мы приходим к тому, чтобы увидеть, что на самом деле есть история для каждой из тех вещей, которые я только что назвал, и мы можем узнать эту историю, задав вопрос: как именно человеческие существа произвели себя такими? Как именно человеческие существа произвели эту черту человеческого социального бытия.

Проект революционного изменения — это проект выхода из нашей «предыстории». Маркс думает, что мы всё ещё в предыстории производства нашей собственной реальности, нашего собственного социального мира, но не зная, что это то, что мы делаем, относясь к нему так, как будто оно просто естественно дано, а не как к чему-то, что мы сами привели в бытие и могли бы привести в другой способ бытия, что и есть просто революция, просто вид, берущий своё собственное существование как свой творческий проект и выбирающий реализовать себя полностью.

Фетишизм товаров и отчуждение

«ОТ:» Можете ли вы прокомментировать обсуждение Марксом фетишизма товаров в «Капитале»?

«ВУ:» Это одно из мест, куда я смотрю, когда качаю головой от удивления — как я часто делаю — при распространённости взгляда, что Маркс оставляет концепцию отчуждения. Потому что я считаю, что вся суть истории, которую нам рассказывают в «Капитале» о товарном фетишизме, заключается в том, что мы существуем в мире, где кажется, будто товары делают всевозможные

вещи, и кажется, будто экономическая жизнь тикает под своей собственной силой, но оказывается, что на самом деле то, что мы видим, — это наша собственная отчуждённая продуктивность, наша собственная отчуждённая деятельность. Это именно то, чтобы предположить, что товарам приписывается сила, которой у них на самом деле нет, но которая является нашей собственной экстернализированной силой, которая обернулась против нас. Мы не осознаём, что это произошло, потому что мы производим таким образом, который надёжно создаёт такого рода инвертированные отношения между нами и нашими собственными продуктами и производительной деятельностью.

«ОТ:» И, возможно, обратная сторона точки, которую вы делали о возможности революции: если бы мы изменили общество, мы могли бы оказаться в обществе, где мы на самом деле делаем то, что мы делаем, где мы на самом деле знаем, что такое кукуруза и что делает кукурузу ценной, это было бы частью того, что значит производить кукурузу целенаправленно, в отличие от того, что мы имеем структурно сейчас при капитализме, где кукуруза приходит означать эту чуждую вещь из-за обращения товаров.

«ВУ:» Да, абсолютно. Один из способов думать о проблеме отчуждения или проблеме товарного фетишизма — это просто то, что мы относимся к миру таким образом, который опосредован этими затемняющими и отчуждающими и абстрактными отношениями. Это то, что он думает, труд может привести нас к состоянию постоянного внимания к миру, находясь в активном взаимодействии

с ним, вот как мы можем иметь точный объективный учёт того, что и кто вокруг нас.

Классовая перспектива и мораль

«ОТ:» Не могли бы вы подробнее рассказать о теоретическом различии с точки зрения между буржуазной моралью или этикой и пролетарской или коммунистической моралью и историчности морали?

«ВУ:» Думайте об этом с точки зрения перспективы: совершенно возможно и последовательно для капиталиста принять точку зрения труда, которую описывает Маркс; равным образом, не только возможно, но и довольно обычно для трудящихся людей иметь буржуазную перспективу. Как вопрос перспективы, речь идёт не о приписывании определённой перспективы каждому фактически существующему члену рабочего класса или каждому фактически существующему члену капиталистического класса, а скорее о приписывании перспективы, которая принадлежит позиции класса в целом относительно работы производства и воспроизводства общества. Идея о том, что труд должен быть потенциально освобождающим и проясняющим, именно потому, что это точка зрения части общества, которая занята повседневной работой фактического выполнения вещей, которые поддерживают его и делают его тем обществом, которым оно является. Это означает, что этот корпус людей также потенциально мог бы сделать его лучшим обществом.

Против антигуманизма в марксизме

«ОТ:» Как вы работаете против или опровергаете антигуманизм столь значительной части современного марксизма и критической теории?

«ВУ:» Марксистская теория в целом, марксизм в целом, — это попытка теоретизировать мир с радикально человеческой перспективой. Когда мы возвращаемся к тому вопросу о познаваемости мира или пределах и возможностях науки, мы не можем избежать нашей человеческой субъективности и того, что единственная перспектива, которую мы можем иметь на мир, — это та, которая формируется всевозможными способами превратностями и идиосинкразиями человеческого бытия. Я не пытаюсь превзойти или выйти за пределы или трансцендировать эту человеческую перспективу на мир и друг на друга.

У меня нет аргумента, почему кто-то должен заботиться о том, что происходит с человечеством, кроме идеи, что я думаю, что любой из нас, кто желает человеческого выживания, ничто из этого не может произойти без принятия человеческого выживания в целом как нашей цели. Это снова, для Маркса, то, что характерно для трудящихся людей: что массы трудящихся, угнетённых, бедных и эксплуатируемых людей на земном шаре не могут обеспечить своё собственное выживание, не работая для человеческого выживания в целом. Но я действительно принимаю человеческое выживание как безусловное благо как человеческая личность, и у меня действительно нет ничего, что я могла бы предложить кому-либо, кто смущён этим, кроме объятия.

Этические взгляды Маркса на эмансипацию

«ОТ:» Наконец, что мы должны сказать об этических взглядах Маркса на эмансипацию?

«ВУ:» Я думаю, Маркс выступает за то, чтобы человеческие существа вмешивались в своё собственное историческое социальное развитие, чтобы освободить себя от оков своего собственного изготовления. Принятие такого проекта включает раскрепощение и освобождение их собственного творческого потенциала, их собственных производительных способностей. Это проект свободы, то, что значит для человеческих существ

развить общество, чтобы они могли появляться в реальности таким образом, который соответствует их сущности как рационально производительных существ, которые создают свои собственные условия существования.

Маркс писал открытые письма во время Гражданской войны в США, включая Аврааму Линкольну и американскому белому рабочему классу, как мы его называем, выступая за важность эмансипации рабов-собственников. Вы видите, как он говорит об этом вопросе в «Еврейском вопросе» тоже, о важности поддержки политической эмансипации как более крупного проекта поддержки человеческой эмансипации в целом.

* Ванесса Уиллс — политический философ, этик, педагог и активистка, базирующаяся в Вашингтоне, округ Колумбия, где она является доцентом философии в Университете Джорджа Вашингтона. Её монография 2024 года «Этическое видение Маркса» опубликована Oxford University Press.

Олуфемии О. Тайво — доцент философии в Джорджтаунском университете. Он получил докторскую степень по философии в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Он публиковался в академических журналах, включая Public Affairs Quarterly, One Earth, Philosophical Papers и информационный бюллетень Американской философской ассоциации Philosophy and the Black Experience.

Впервые опубликовано онлайн 9 ноября 2025 года

Перевод интервью с Ванессой Уиллс «Marx's Ethical Vision»*

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГГУ-МСХА

